

Киплинг

Нож и белые скалы

Дети на целый месяц отправились к морю и поселились там в деревне, стоявшей на голых, открытых ветрам Меловых Скалах [*80], в добрых тридцати милях от дома. Они подружились со старым пастухом по имени мистер Дадни, пастух знал еще их отца, когда тот был маленьким. Он говорил не так, как говорят люди в их родном Сассексе, по-другому называл разные крестьянские принадлежности, но зато понимал детей и позволял им повсюду ходить с ним. Он жил примерно в полумиле от деревни в крошечном домике, где его жена варила чабрецовый мед и нянчила у камина больных ягнят, а у порога лежала овчарка Старый Джим (Молодой Джим, сын Старого Джима, помогал мистеру Дадни пасти овец). Дети приносили ему говяжьих костей – бараньи кости овчарке ни в коем случае давать нельзя, – и когда дети приходили в гости, а мистер Дадни пас овец неподалеку в холмах, его жена просила Старого Джима проводить детей к хозяину, что тот и делал.

И вот однажды августовским днем, когда улица, политая из привезенной на тележке цистерны, пахнет совсем по-городскому, дети, как всегда, отправились искать своего пастуха, и, как всегда, Старый Джим выполз из-за порога и взял их под свою опеку. Солнце стояло очень жаркое, сухая трава скользила под ногами, а расстояния казались огромными.

– Совсем как на море, – сказала Юна, когда Старый Джим заковылял в тень ветхого сарая, одиноко стоявшего на голом склоне. – Видишь что-то вдаль, идешь туда и ничего кругом не замечаешь.

Дан сбросил ботинки.

– Когда приедем домой, я целый день просижу в лесу, – заявил он.

"Вуф-ф" – проворчал Старый Джим, поворачивая обратно. Он хотел сказать, что ему давно уже пора отдать заработанную им кость.

– Еще рано, – ответил Дан. – Где мистер Дадни? Где хозяин?

Джим удивленно посмотрел на детей, всем своим видом показывая, что не знать этого могут только сумасшедшие, и попросил кость снова.

– Не давай ему! – крикнула Юна. – Пусть сначала ответит нас.

– Ищи, друг, ищи, – попросил Дан, потому что местность вокруг казалась пустой, словно ладошка.

Старый Джим вздохнул и потрусил вперед. Вскоре вдаль, на фоне серого неба, они заметили маленькое пятнышко – шляпу мистера Дадни.

– Хорошо! Молодец! – сказал Дан. Старый Джим повернулся, осторожно взял кость стертymi зубами и побежал обратно в тень старого сарая – совсем как волк. Дети пошли дальше. Над ними, зависнув, отчаянно кричали две пустельги. Чайка, лениво размахивая крыльями, медленно летела вдоль гребня белых скал. От жары линия холмов и маячившая впереди голова мистера Дадни стали расплываться в глазах у детей.

Вскоре Дан и Юна оказались перед подковообразной ложбиной глубиной в сто футов; склоны ее, как сетью, были покрыты овечьими тропами. На краю склона, зажав между колен посох, сидел мистер Дадни и вязал. Дети рассказали ему, что вытворял сегодня Старый Джим.

– А-а, он думал, что вы увидите мою голову одновременно с ним. Кто лучше знает землю, тот видит дальше. Вам, кажется, очень жарко?

– О да! – сказала Юна, плюхаясь на землю. – И еще мы устали.

– Садитесь рядышком.

Скоро начнут расти тени, прилетит ветер, всколыхнет жару и убаюкает вас.

– Мы вовсе не хотим спать, – возмущенно возразила Юна, тем не менее ловко устраиваясь в первой же полоске появившейся тени.

– Конечно, не хотите. Вы пришли поговорить со мной, как, бывало, ваш отец. Только ему совсем не требовалась собака, чтобы прийти в ложбину Нортонa.

– Ну так он же был родом отсюда, – сказал Дан, растягиваясь на земле.

– Да, отсюда. И я не могу понять, зачем он отправился жить в леса, среди этих противных деревьев, когда мог остаться здесь. В деревьях проку нет. Они притягивают молнию, и когда овцы спрячутся под ними, то можно потерять их с десятков за одну грозу. Так-то. Ваш отец знал это.

– Деревья совсем и не противные. – Юна приподнялась на локте. – А дрова? Топить углем я не люблю.

– Что? Поднимись–ка чуть–чуть повыше, тебе будет удобней лежать, – попросил мистер Дадни, хитро улыбаясь. – А теперь пригнись пониже и понюхай, чем пахнет земля. Она пахнет чабрецом. Это от него наша баранина такая вкусная, и кроме того, как говорила моя мама, чабрец может излечить все что угодно, кроме сломанной шеи или разбитого сердца, я точно не помню чего именно.

Дети старательно принюхивались и почему-то забыли поднять головы с мягких зеленых подушек.

– У вас там ничего похожего нет, – сказал мистер Дадни. – Разве может сравниться с чабрецом ваша вонючка–жеруха?

– Зато у нас есть много ручьев, где можно плескаться, когда жарко, – возразила Юна, разглядывая желто-фиолетовую улитку, проползавшую возле ее носа.

– Ручьи разливаются, и тогда приходится перегонять овец на другое место, не говоря уже о том, что животные заболевают копытной гнилью. Я больше полагаюсь на пруд, наполняющийся дождевыми водами.

– А как он делается? – спросил Дан, надвигая шапку на самые глаза. Мистер Дадни объяснил.

Воздух задрожал, как будто не мог решить – спускаться ли ему в лощину или двигаться по открытому пространству. Но двигаться вниз оказалось, наверно, легче, и дети почувствовали, как ароматные струйки, одна за другой, мягко переливаясь и едва касаясь их век, тихо проскальзывают вниз по склону. Приглушенный шепот моря у подножья скал слился с шелестом травы, колышущейся от ветра, жужжанием насекомых, гулом и шорохом пасущегося внизу стада и глухим шумом, исходившим откуда-то из-под земли. Мистер Дадни перестал объяснять и принялся вязать дальше.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Очнулись дети от звука голосов. Тень уже доползла до половины склона, и на краю лощины они увидели Пака, который сидел к ним спиной рядом с каким-то полуголым человеком.

Человек, похоже, чем-то старательно занимался. Ветер стих, и в наступившей тишине до детей долетали все до единого звуки, усиленные гигантской воронкой, как усиливается шепот в водопроводной трубе.

– Ловко сделано, – говорил Пак, наклоняясь вниз. – Какая точная вышла форма!

– Ловко-то ловко, но что для Зверя этот хрупкий каменный наконечник? Ну его! – Человек что-то презрительно отшвырнул. Это что-то упало между Даном и Юной – красивый темно-голубой каменный наконечник для стрелы, все еще хранивший тепло рук мастера.

Человек потянулся за другим камнем и снова стал возиться с ним, как дрозд с улиткой.

– Это все пустая забава, – сказал наконец человек, потрянув косматой головой. – Ты продолжаешь делать каменное оружие просто потому, что ты делал его всегда, но когда дойдет до схватки со Зверем, увидишь – все бесполезно.

– Со Зверем давно покончено. Он ушел.

– Как только появятся ягнята, он вернется снова. Уж я-то знаю. – Человек осторожно ударил по камню, и осколки жалобно запели, разлетаясь в стороны.

– Он не вернется. Сейчас дети могут целый день спокойно валяться на земле, и ничего с ними не случится.

– А ты попробуй назвать Зверя его настоящим именем, тогда я, может, поверю.

– Пожалуйста. – Пак вскочил на ноги, сложил руки рупором и крикнул: – Волк! Волк!

Сухие склоны лощины ответили эхом "воу, воу", очень похожим на лай Молодого Джима.

– Ну что? Кого-нибудь видишь или слышишь? Никто не отзывается. Серого Пастуха больше нет. Бегающий Ночью удрал. Все волки ушли.

– ЗдОрово! – Человек вытер лоб, как будто ему было жарко. – А кто их прогнал? Ты?

– Этим занимались многие люди из многих стран на протяжении многих веков. Разве ты не был одним из них? – спросил Пак.

Не говоря ни слова, человек распахнул одежду, сшитую из овечьих шкур, и показал свой бок, весь покрытый зарубцевавшимися шрамами. Ужасные белые вмятины усеивали и его руки от локтя до плеча.

– Вижу, – сказал Пак. – Это следы Зверя. А чем ты с ним сражался?

– Рукой, топором и копьем, как и наши отцы до нас.

– Да? Тогда как же, – спросил Пак, отдергивая темно-коричневую одежду человека, – как у тебя оказалось вот это? Ну, показывай, показывай! – И он протянул свою маленькую руку.

Человек медленно вытащил висевший у него на поясе длинный, темного железа нож, величиной чуть ли не с короткий меч, и, подышав на него, протянул рукояткой вперед Паку. Тот осторожно взял его, наклонив голову, тихонько провел пальцем от острия к рукоятке и, поднеся поближе, стал так пристально рассматривать, словно перед ним был часовой механизм.

– Хорош! – сказал он с неподдельным удивлением.

– Еще бы. Его сделали Дети Ночи.

– Да, вижу по стали. Интересно, чего он мог тебе стоить?

– Вот чего! – Человек поднес руку к щеке. Пак даже присвистнул, как скворец.

– Клянусь Кольцами Меловых Скал! Так вот какую цену ты заплатил! Повернись к свету, чтобы я мог получше рассмотреть, и закрой глаз.

Он осторожно взял человека за подбородок, повернул его лицом к солнцу, и дети, сидевшие сверху на склоне, увидели, что на месте правого глаза у человека было одно только сморщенное веко. Пак быстро повернул человека обратно, и они оба снова сели.

– Это было сделано ради овец. В овцах жизнь наших людей, – сказал человек, словно оправдываясь. – Разве я мог поступить иначе? Ты ж понимаешь, Робин.

Пак, дрожа от волнения, еле слышно вздохнул.

– Возьми нож. Я слушаю.

Человек наклонил голову, с силой вонзил нож в землю и, пока тот еще дрожал, произнес:

– Будь свидетелем, я говорю так, как все происходило. Нож и Белые Скалы, перед вами я говорю! Дотронься до ножа!

Пак положил руку на нож, и тот перестал дрожать. Дети чуть подались вперед.

– Я принадлежу к народу, не знающему железа, я единственный сын жрицы [*81], которая посылает ветры плавающим по морям, – начал он нараспев. – Я – Купивший Нож, я – Защита Людей. Такие имена дали мне в этой стране Белых Скал, лежащей между лесом и морем.

– Твоя страна была великой страной, и имена твои – великими.

Человек с силой ударил себя в грудь:

– Великие имена, которыми тебя величают, и песни, которые слагают в твою честь, – это еще не все, что нужно человеку. Ему надо, чтоб у него был свой очаг, чтобы вокруг очага, ничего не боясь, сидели его дети и их мать вместе с ними.

– Да, – вздохнул Пак. – Это, наверно, будет старая-престарая история.

– Я мог греться и кормиться у любого очага, но на всем свете не было никого, кто бы разжег мой собственный очаг и приготовил мне еду. Я променял все это на Волшебный Нож, который я купил для избавления своего народа от Зверя. Человек не должен подчиняться Зверю. Разве я мог поступить иначе?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Понимаю. Знаю. Слушаю.

– Когда я вырос и смог занять свое место среди пастухов, Зверь терзал страну, как кость в зубастой пасти. Он подкрадывался сзади, когда стада шли на водопой, он следил за ними у прудов. Во время стрижки овец он врвался в загоны прямо у нас под носом, и хотя мы кидали в него камнями, спокойно прогуливался меж пасущихся овец, выбирая себе жертву. Он подкрадывался по ночам в наши хижинки и утаскивал младенцев прямо из материнских рук, он созывал своих собратьев и среди бела дня нападал на пастухов на открытых скалах. Но нет, он делал так совсем не всегда! В том-то и была его хитрость. Время от времени он уходил, чтобы мы о нем забыли. Год-другой мы его не видели, не слышали, не замечали. И вот когда наши стада начинали тучнеть, а пастухи переставали постоянно оглядываться, когда дети играли на открытых местах, а женщины ходили за водой поодиночке, опять и опять возвращался он – Проклятье Скал, Бегающий Ночью, Серый Пастух – этот Зверь, Зверь, Зверь!

Он только смеялся над нашими хрупкими стрелами и тупыми копьями. Он научился увертываться от удара каменного топора. Похоже, он даже знал, когда камень на нем был с трещиной. Часто это выяснялось только в тот момент, когда ты опускал топор на морду Зверя. Тогда – хрясь! – камень разваливается на куски, у тебя в руке остается только ручка от топора, а зубы Зверя уже впиваются тебе в бок! Я испытал это на себе. Или бывало еще так.

По вечерам из-за росы, тумана или дождя жилы, которыми мы прикручивали наконечник копья к древку, ослабевали, несмотря на то что мы и держали их у себя под одеждой весь день, предохраняя от влаги. Хотя ты идешь один, ты так близко к дому, что решаешь остановиться и подтянуть провисшие жилы – руками, зубами или какой-нибудь выброшенной морем деревяшкой. Ты наклоняешься – и на тебе! Именно ради этой минуты Зверь крался за тобой по пятам с той минуты, как взошли звезды. Он страшно рычит – rrrr–урrr, – в ответ из ложбины Нортон раздалось такое эхо, словно выла целая стая, – прыгает тебе на плечи, стараясь добраться до горла, и, может статься, дальше твои овцы побегут уже без тебя. Ну ладно, сражаться со Зверем – это еще куда ни шло, но видеть, что он, сражаясь с тобой, тебя же презирает – это не менее больно, чем чувствовать, как его клыки вонзаются тебе в сердце. Скажи, почему так получается: человек хочет сделать так много, а может так мало?

– Не знаю. Ты хотел сделать очень много?

– Я хотел подчинить Зверя. Нельзя, чтобы Зверь был сильнее человека. Но наш народ боялся. Даже моя мать, жрица, и та испугалась, когда я ей рассказал о своем желании. Мы привыкли бояться Зверя. Когда он оставил нас в покое, я был уже мужчиной и у меня появилась Возлюбленная – она, как и мать, была жрицей. Она приходила ждать меня у прудов. Может быть, Зверь просто устал, может быть, отправился к своим богам узнать, чем бы причинить нам побольше зла. Как бы то ни было, он ушел, и мы вздохнули свободнее. Женщины снова стали петь, следили за детьми уже не так строго, и стада паслись на самых отдаленных пастбищах. Свое я погнал вон туда, – он махнул рукой в сторону леса, неясной полоской встававшего у горизонта, – там превосходная молодая трава. Потом стадо двинулось на север. Я шел следом, пока оно не приблизилось к деревьям, – он понизил голос, – где живут Дети Ночи. – Он снова указал на север.

– А-а, теперь-то я припоминаю, вы же очень боитесь деревьев. Скажи, почему?

– Потому что боги не любят деревья и ударяют в них молнией. Мы видели, как целыми днями они горели на опушке леса. К тому же там живут Дети Ночи. Все знают, что они настоящие волшебники, хотя и поклоняются тем же богам, что и мы. Когда к ним попадает какой-нибудь человек, они вкладывают в него чужую душу, заставляют говорить чужие слова, бегущие как вода. Но голос сердца звал меня на север. Когда я пас овец около леса, я увидел, как три Зверя преследуют человека. По тому, что он бежал к деревьям, я понял, что он – житель леса. Мы, жители Белых Скал, деревьев боимся больше, чем Зверя. Топора у того человека не было, зато был такой вот нож. Один Зверь прыгнул на него. Человек ударил его ножом. Зверь упал замертво. Другие, скуля, бросились прочь. От наших пастухов они бы никогда так не побежали. Человек исчез среди деревьев. Я осмотрел убитого Зверя. Он был убит необычным способом: на теле не было ни ссадин, ни кровоподтеков, одна только глубокая, зияющая рана, которая рассекла его злое сердце. Это было здорово! Теперь-то я знал, что нож был заколдованный, и стал думать, как бы добыть его. Я очень много думал об этом.

Когда я пригнал свое стадо на стрижку, мать моя, жрица, спросила меня: "Вижу по лицу: ты увидел что-то новое. Что это?"

"Это моя печаль", – ответил я.

"Все новое печально, – сказала она. – Садись сюда, на мое место, и побудь со своей печалью".

Я сел на ее место у огня, где она зимой водит беседы с духами, и два голоса заговорили в моем сердце. Один говорил: "Попроси волшебный нож у Детей Ночи. Недостойно человеку подчиняться Зверю". Я прислушивался к этому голосу. Другой голос возражал: "Если ты пойдешь, Дети Ночи изменят твою душу. Ешь и спи здесь". И снова первый голос: "Попроси нож". Я внимал этому голосу.

Утром я сказал матери: "Я иду, чтобы добыть для своего народа одну вещь, но не знаю, вернусь ли самим собой". Она ответила: "Вернешься ли ты живым или мертвым, в прежнем образе или нет – я останусь твоей матерью".

– Это правда, – сказал Пак. – Никаким волшебством нельзя изменить сердце матери.

– Да, никаким. Потом я поговорил с моей Возлюбленной, которая приходила ждать меня у прудов. Она обещала быть мне верной. – Человек рассмеялся. – Я отправился в то место, где видел волшебника с ножом. Два дня я лежал на опушке, прежде чем осмелился войти в лес. Я шел, нащупывая себе путь палкой. Я боялся ужасных шепчущихся деревьев, духов, обитавших в их ветвях, боялся мягкой земли, проваливающейся под ногами, красных и черных вод. Но больше всего я боялся перемены, которая могла произойти со мной. И вот этот миг настал!

Человек снова вытер лоб, дрожа всем телом. Он успокоился, только положив руку на воткнутый в землю нож.

– Голова моя горела, как в огне, на губах появилась горечь, веки пылали, дыхание стало быстрым и горячим, а руки были как чужие. Я почему-то вдруг начал петь и смеяться над деревьями, хоть их и боялся. В то же время я видел себя как бы со стороны, и мне было жаль смеющегося юношу, который был мной. Да! Дети Ночи – настоящие чародеи!

– А может, это были Духи Туманов? – спросил Пак. – Это они меняют человека, если он спит в туманах. Ты спал в них?

– Спал, но я знаю, что это были не они. Через три дня сквозь деревья я увидел красный цвет и услышал глухие удары. Я увидел, как Дети Ночи выкапывали из ямы красные камни и бросали их в огонь. Камни таяли, словно сало, а люди молотками били по образовавшейся массе. Я хотел заговорить с этими людьми, но в моем горле встали чужие слова, и я смог промолвить только одно: "Не надо так шуметь, у меня раскалывается голова". Я понял, что околдован, я хватался за деревья и молил Детей Ночи снять их чары. Они были жестоки. Они задали мне множество вопросов и не дали ответить ни на один. Они вложили в меня чужие слова, так что я не мог сказать то, что хотел, и в конце концов заплакал. Тогда они отвели меня в какую-то хижину, наносили на пол раскаленных камней и стали поливать их водой, распевая заклинания. С меня ручьем лил пот, и наконец я заснул. Проснувшись, я больше не был безвольным, кричащим существом, мой собственный дух снова вернулся в мое тело, и я лежал спокойно и невозмутимо, будто камешек на берегу моря. Выслушать меня пришли все люди – мужчины и женщины, и у каждого был свой волшебный нож. Их ушами и языком была жрица.

Я заговорил. Я говорил долго, и слова текли медленно, словно овцы, когда они рядами проходят мимо стоящего на пригорке пастуха, который считает и тех овец, что уже дошли до него, и тех, что еще только подходят. Я просил волшебные ножи для своего народа. Я сказал, что мы принесем мясо, молоко, шерсть и разложим все на траве около деревьев, если Дети Ночи оставят там ножи. Им понравилось это предложение. Их жрица спросила: "Ради кого ты пришел?"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Ради своего народа. Овцы – они как люди. Если Зверь убьет овец, мы умрем. И вот я пришел за волшебным ножом, чтобы убить Зверя".

"Мы не знаем, – сказала она, – позволит ли наш бог торговать нам с народом Голых Скал. Подожди, пока мы его спросим".

Когда они поговорили со своим богом (а их бог – он же и наш бог), жрица сказала: "Ему нужно доказательство, что твои слова правдивы".

"Какое доказательство?"

"Бог говорит, что если ты пришел ради народа, ты отдашь ему правый глаз, а если ради чего-то другого – то нет. Такое доказательство требует бог. Мы ни при чем".

"Это тяжелое доказательство. А другого пути нет?"

"Есть. Если хочешь, можешь уйти хоть сейчас, сохранив на лице оба глаза. Но тогда твой народ волшебных ножей не получит".

"Мне было б легче знать, что меня должны убить", – сказал я.

"Наверно, бог знал и это. Смотри! Мой нож уже готов!"

"Так не теряй же времени!" – воскликнул я.

И она выколола мне глаз своим раскаленным над огнем ножом. Она сделала это своими руками. Я был сын жрицы. Она была жрицей. Это работа не для простого человека.

– Да, – согласился Пак. – Не для простого. А что было потом?

– Потом я больше уже этим глазом не видел. И еще я обнаружил, что одним глазом видишь все вещи не совсем там, где они есть на самом деле. Попробуй закрыть один глаз.

Дан прикрыл один глаз рукой, потянулся за каменным наконечником и промахнулся.

– А ведь правда, – прошептал он Юне, – расстояния кажутся не такими, когда смотришь только одним глазом.

Пак, наверно, проделывал тот же эксперимент, потому что человек, посмеиваясь над ним, сказал:

– Можешь не проверять. У меня даже сейчас нет полной уверенности, когда я собираюсь нанести удар. – Он продолжал рассказ. – Я оставался у Детей Ночи, пока мой глаз не зажил. Они говорили, что я – сын Тора, бога, который положил правую руку в пасть зверя. Они показали мне, как расплавляют красные камни и делают из них волшебные ножи. Они научили меня песням–заклинаниям, которые они поют, когда куют ножи. Я знаю много заклинаний.

Он рассмеялся, как мальчик.

– Я думал о том, как пойду домой, и о том, как удивится Зверь. К этому времени он уже снова вернулся. Как только я вышел из деревьев и ступил на свою землю, я сразу почувствовал запах волков и увидел их. Они не знали, что у меня есть волшебный нож – я прятал его под одеждой, – нож, который дала мне жрица. Эх! Жаль, что миг торжества такой короткий! Ты только представь! Вот один волк меня чует. "Boу, – говорит он. – Здесь мой пастух!" Вот он приближается большими скачками, распустив хвост по ветру, вот он вертится вокруг, припадает к земле, полный веселья от предвкушения скорой, теплой добычи. Вот он прыгает – и о! – вы бы только видели его глаза, когда уже в полете он замечает нож, да, нож, выставленный ему навстречу. Нож рассекает его шкуру, как тростинка свернувшееся молоко. Другие волки иногда и взвизгнуть не успевали. Я даже не сдирал шкуру со всех волков, которых убил. Часто я только ранил волка. Тогда я брал каменный топор и добивал его. Зверь не дрался! Зверь знал, что такое нож! Еще до вечера он узнал, как пахнет его кровь на моем ноже, и удирал от меня, как заяц. Он все понимал! Я шел гордо, как и подобает идти человеку – победителю Зверя!

И вот я вернулся в дом своей матери. Там был ягненок, которого надо было убить. Я рассек его пополам и рассказал матери все, что со мной произошло. Она сказала: "Это труд, посильный лишь богу". Я поцеловал ее и рассмеялся. Пошел я к своей Возлюбленной, которая приходила ждать меня у прудов. Там был ягненок, которого надо было убить. Я рассек его пополам и рассказал ей все, что со мной произошло. Она сказала: "Это труд, посильный лишь богу". Я рассмеялся, но она оттолкнула меня и убежала. Она стояла справа, с той стороны, где я ничего не видел, и поэтому я не успел ее поцеловать. Пошел я к пастухам, охраняющим овец. Там была овца, которую они собирались убить на ужин. Я рассек ее пополам и рассказал им все, что со мной произошло. Они сказали: "Это труд, посильный лишь богу". – "Хватит говорить о богах, – ответил я. – Давайте есть и будем счастливы. Завтра я отведу вас к Детям Ночи, и каждый мужчина получит волшебный нож".

Я был рад снова почувствовать запах овец, увидеть широкое небо, тянущееся от края до края, услышать рокот моря. Я спал под открытым небом, завернувшись в шкуры, а пастухи о чем-то до утра между собой говорили.

На следующий день я отвел их к деревьям, захватив с собой, как и обещал, шерсть, творог и свернувшееся молоко. Дети Ночи тоже, как обещали, разложили ножи на траве перед деревьями и, спрятавшись в зарослях, наблюдали за нами. Их жрица окликнула меня и спросила: "Ну что ваш народ?"

"Их сердца изменились. Для меня они перестали быть открытыми, как раньше".

"Это потому, что у тебя только один глаз. Приди ко мне, и я буду твоими обоими глазами".

"Нет, – сказал я. – Я должен научить мой народ пользоваться ножом, как ты когда-то научила меня". – Дело в том, что нож держат в руке не так, как держат каменный топор.

"Все, что ты сделал, – сказала она, – ты совершил не ради своего народа, а ради женщины".

"Тогда почему же бог принял мой правый глаз? И почему ты сердишься?" – спросил я.

"Потому что бога может обмануть любой мужчина, а женщину – ни один. И я не сержусь на тебя. Я только очень тебя жалею. Подожди немного, и ты своим единственным глазом увидишь, почему", – ответила она и скрылась среди ветвей.

Мы отправились обратно, каждый нес свой нож и со свистом рассекал им воздух – тссс–тссс. Топор так никогда не свистит. Он ухает – умп–умп. И Зверь услышал. Зверь увидел. Он понял! Он везде от нас убегал. Мы все смеялись. Когда мы шли, брат моей матери – Вождь Мужчин – снял свое ожерелье Вождя, составленное из желтых морских камешков...

– Из чего? А, вспомнил! Янтарь! – воскликнул Пак.

– ...и хотел надеть его на меня. "Нет, – ответил я, – я и так доволен. Что может значить один потерянный глаз, если другим я вижу жирных овец и ребятишек, бегающих в безопасности?" Брат моей матери сказал тогда всем остальным: "Я же говорил вам, что он ни за что не захочет принять дар". Потом они стали петь песню на нашем древнем языке – песню Тора. Я запел вместе с ними, но брат моей матери

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сказал: "Это твоя песня, о Купивший Нож! Мы сами споем ее, Тор!"

Но я еще ничего не понимал, пока не увидел, как все обходят мою тень. Тогда я понял, что меня считают богом, подобным богу Тору, который пожертвовал правой рукой, чтобы победить Большого Зверя.

– Неужели богом? – чуть не выкрикнул Пак.

– Клянусь Ножом и Белыми Скалами, так оно и было. Они расступались перед моей тенью, как расступаются перед жрицей, когда она идет в Долину Мертвых. Я испугался. Я утешал себя только одним: "Моя мать и моя возлюбленная никогда не назовут меня Тором". Но все равно меня охватывал страх, как он охватывает человека, на бегу свалившегося в яму с крутыми склонами, когда он начинает чувствовать, что выбраться оттуда будет очень трудно.

Когда мы пришли к прудам, там уже собрались все. Мужчины показывали ножи и рассказывали,

как они их получили. Все видели, как Зверь улепetyвает от нас. Сбившись стаями, с диким воем, волки уходили на запад, за реку. Зверь понял, что наконец–то, наконец–то у нас появился нож! Да, он понял! Я сделал свое дело. Потом среди жриц я нашел свою Возлюбленную. Она взглянула на меня, но даже не улыбнулась. Обращаясь ко мне, она делала знаки, какие делали жрицы, обращаясь к богам. Я хотел заговорить, но брат моей матери стал говорить от моего имени вместо меня, как будто я был одним из богов, от имени которых жрецы говорят с народом в канун Иванова дня.

– Помню, помню. Мне ли не помнить этот праздник!

– Рассердившись, я пошел к дому матери. Она хотела встать передо мной на колени. Я уже совсем разозлился, но она сказала: "Только бог осмелился бы так говорить со мной, жрицей. Человек побоялся бы кары богов". Я взглянул на нее и рассмеялся. Мне было грустно, но я смеялся и не мог остановиться. Вдруг меня окликнули на нашем древнем языке: "Тор!" На пороге стоял юноша, с которым я сторожил свои первые стада, тесал первую стрелу, сражался с первым Зверем. Он просил моего разрешения взять себе в жены мою Возлюбленную, жрицу. Он стоял, не смея поднять на меня взор, почтительно положив руки на лоб. Он весь трепетал от страха, но это был трепет перед богом, меня же – человека, мужчину – он не боялся ни капельки. Я не убил его. Я сказал: "Позови ту девушку". Она тоже вошла без страха – она, та самая, что приходила ждать меня у прудов и обещала быть мне верной. Она не опускала глаз, ведь она была жрицей. Как я смотрю на облако или гору, так смотрела она на меня. Она заговорила на древнем языке, на котором жрицы обращаются с молитвами к богам. Она просила, чтобы я разрешил ей разжигать огонь в доме этого юноши и еще чтобы я благословил их детей. Я не убил ее. Я услышал, как мой собственный голос, съезившийся и застывший, отвечал: "Пусть будет по–вашему". Они вышли, взявшись за руки. Мое сердце съезилось и застыло, в голове словно прошумел ветер, в глазах почернело. Я повернулся к матери: "Скажи, может ли бог умереть?", и прежде чем провалиться в гудящую темноту, успел услышать ее взволнованный голос: "Что с тобой? Что с тобой, сынок?" Я свалился без чувств.

– О бедный, бедный бог, – сказал Пак. – А что же твоя мудрая мать?

– Она поняла. Как только я свалился, она все поняла. Когда я пришел в себя, она прошептала мне на ухо: "Будешь ли ты живым или мертвым, в прежнем образе или нет – я останусь твоей матерью". Это было хорошо, это было лучше, чем та вода, что она мне подала, лучше, чем само выздоровление. Мне было стыдно, что я упал, но все равно я был счастлив. Она была счастлива тоже. Мы не хотели терять друг друга. У каждого человека есть только одна мать. Я подбросил в огонь дров, закрыл дверь и, как в прошлые годы, сел у ее ног, а она расчесывала мне волосы и пела. Наконец я спросил: "Что мне делать с теми, кто называет меня Тором?"

"Тот, кто совершил подвиг, доступный одному богу, должен вести себя, как бог, – сказала она. – Я не вижу другого выхода. Пока ты жив, люди будут тебе послушны, словно овцы. Ты не можешь их прогнать".

"Эта ноша более тяжелая, чем я могу вынести", – сказал я.

"Со временем будет легче. Со временем, возможно, ты не захочешь променять это ни на одну девушку. Будь мудрым, будь очень мудрым, сынок, потому что единственное, что тебе осталось, – это слова песни и поклонение тебе, как богу".

– О, бедный бог! Но когда тебе поклоняются или поют песни в твою честь – это не так уж и плохо.

– Я знаю, что не плохо, но я отдал бы это все – все! – все за собственного малыша, который бы раздувал пепел в моем очаге. – Человек выхватил нож из земли, засунул его за пояс и встал. – И все же разве я мог поступить иначе? Овцы – они как люди.

– Это очень старая история, – отвечал Пак. – Я слышал ее не только на Белых Скалах, но и среди деревьев, там, где растут Дуб, Терновник и Ясень.

Примечания:

80. Меловые утесы тянутся вдоль берегов Англии, обращенных к Европе. От цвета этих меловых холмов возникло название "Туманный Альбион", как издревле называют Англию (albus – по–латыни белый). По преданию, первым ее назвал так Юлий Цезарь, плывший из Галлии завоевывать Британию.

81. Жрец (женский род – жрица) – у первобытных народов человек, занимавшийся жертвоприношениями, молитвами, пророчествами. Жрецы играли большую роль во всей жизни племени.